Мира Лиорская

Моё приданое

Последний узел

Книга пятая

Мира Лиорская

Моё приданое. Последний узел

«Автор»
2026

Лиорская М.

Моё приданое. Последний узел / М. Лиорская — «Автор», 2026

Лиана Верес умеет расплетать чужие клятвы. Но на Сосновой переправе её ждёт исправная магия, от которой никто не готов отказаться.Старинная завеса бережёт грузы и помогает целому двору зарабатывать. За её надёжность отвечают пятеро: их имена вплетены в общее обязательство. Освободить их, просто разрезав нить, нельзя — слишком многое уже обещано другим людям. А женщина, которой Лиана собиралась помочь, первой говорит ей нет.Придётся искать иной путь, спорить о цене и учиться доверять чужим рукам. Тем временем Дарен принимает собственные торговые решения. Он любит Лиану, скучает по ней и не может бесконечно ждать, пока закончатся все чужие дела.У них есть дом, любимая работа и мечта о цветах под окном. Чтобы вернуться к этой жизни, Лиане предстоит закончить самое трудное дело — и позволить ему продолжаться без неё.

© Лиорская М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. После воды 6
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Мира Лиорская
Моё приданое. Последний узел

Глава 1. После воды

Рута не пустила меня к раме.

Она стояла в проходе, прижимая к животу свёрнутый драп, и ждала, пока я перестану улыбаться. В утреннем свете на Белильной было видно всё: скошенную доску под ножкой, распоротый шов на её рабочем переднике, мой дорожный плащ, который давно следовало оставить дома. Я пришла всего лишь заглянуть. Под плащом, однако, лежал привычный футляр.

— До полудня моё место, — сказала Рута. — Вера записала.

Я оглянулась на стол. Там действительно лежал лист с часами. Рутино имя занимало почти всё утро.

— Я на четверть часа.

— А я потом на четверть часа опоздаю с сушкой.

На этой стороне рамы был лучший свет. В прошлом я сама добивалась, чтобы его не отдавали случайной работе, пока Рута делает тонкую отделку. Теперь мне мешало собственное разумное устройство мастерской.

Пришлось снять плащ и повесить рядом футляр.

Обратная дорога от озера заняла четыре дня. Дарен слишком долго сидеть не мог, а весеннюю колею объехать оказалось почти так же трудно, как проехать по ней. После мы прожили дома ещё девять дней. Я успела разобрать бельё, снова испортить одну кашу, получить от Эльзы ложку вместо сочувствия и обнаружить под своим окном лужу, которой не помнила до отъезда. Всё это время мастерская на Белильной открывалась без меня.

В первый день я спросила у Веры, нужна ли помощь. Она перечислила два небольших заказа и велела выбрать один. Я выбрала оба, потом вернула второй, потому что первый и был моим рабочим днём. Сегодня законченный край лежал у меня дома, а ноги опять принесли меня сюда раньше срока.

Рута развернула драп. На широком полотне было выведено несколько старых растительных знаков, потускневших до цвета печёного яблока. Такие вещи вешали перед красильными чанами, когда требовалось удержать ровное тепло. Заказчица хотела пользоваться им и в этом сезоне. Часть укрепляющего шва истёрлась от поворота рамы.

Я увидела ослабленный участок и уже собиралась указать, где Руте удобнее подложить опору. Она повернула раму другой стороной. Опора была установлена. На сухую часть легла её ладонь, и старый узор перестал тянуть низ.

— Здесь я ещё не дошла, — пояснила она, заметив мой взгляд на короткой пустой полосе. — Сначала возьму длинную сторону. Если начну снизу, потом второй раз переделывать.

Я знала этот приём. Рута выбрала его сама.

У стола Вера считала нитки, которые можно было пустить на подкладку. Мне достались разбор мелких остатков и ножницы с тугим кольцом. Через несколько минут захотелось поменять их на другие. Я поменяла, не спрашивая, не испорчу ли этим весь порядок, и почти сразу нашла то занятие, ради которого следовало прийти: из двух старых мотков можно было получить один подходящий к драпу, если убрать ломкую внешнюю прядь.

Мы работали под шум дождя. Он начался ночью и к утру сделался тёплым, пахнущим землёй. С улицы заходили люди, стряхивали воду у двери, оставляли заказы. Женщина принесла пояс, побывавший под горячим утюгом. Подмастерье из лавки через две двери забрал готовую подкладку и дважды пересчитал сдачу. Вера не торопила его. Все, казалось, прекрасно знали, что делать в четверг утром, кроме меня.

Потом она придвинула ко мне отдельный лист.

— Это твоё.

На нём были мерки Дессы Ирн. Я узнала рисунок пресса, который она показывала мне в столице. Ей требовалось сухое покрытие для верхнего рабочего стола. Вера уже запросила расстояние до мокрой отделки. Ответа ещё не было.

— Зачем второе измерение? — спросила я.

— С первым ей самой неудобно. Она мерила до стены. Я просила до места, где кожа лежит после промывки.

На схеме эти два расстояния почти совпадали. Я могла бы написать то же самое. Только Вера успела до моего возвращения, и теперь на полях стоял её короткий вопрос, без моей подписи внизу.

Рядом лежало другое обращение, от хозяйки небольшой швейной. Та хотела заказать край, чтобы помощница меньше цепляла ткань при переносе. Я прочла описание и представила её стол: крайняя доска прогибается, а после полудня туда ставят таз. В таком месте съёмный край держался бы ровно до первой серьёзной работы.

Вера предложила выехать на осмотр в субботу. Я согласилась.

— Только не обещай к нему ещё четыре штуки, — сказала она. — Сначала увидим.

Её обычная резкость утешала больше расспросов о столице. Я вернулась из большого дела, но здесь по-прежнему нужно было посмотреть на чужую доску, прежде чем продавать решение.

К полудню в правой руке началась мелкая боль. Я положила ножницы. Вера отложила для меня оставшиеся хорошие нити, а непригодные ссыпала к себе. Из них ещё выходила набивка для мягких рабочих подушек. Рута попросила одну для собственной рамы и тут же спросила цену материала.

— Сперва сделай, — ответила Вера. — Счёт принесу.

Я достала из кармана монету, хотела положить её на стол и остановилась. Рута могла купить себе подушку. Нужное место она уже отвоевала без моей помощи.

Когда я уходила, дождь кончился. На пороге Рута догнала меня с поясом заказчицы. Попросила в следующий урок показать, как определить, осталась ли под подпалённым стежком проводящая нить.

— Нора будет во вторник, — сказала я.

— Я у тебя спрашиваю.

Мне стало тепло, и я чуть не назначила занятие на завтра. Потом вспомнила субботний осмотр и свою недоделанную работу.

Мы выбрали понедельник, после Рутиного оплаченного утра. Она унесла пояс обратно, а я вышла к экипажу, уже думая, какие два образца можно показать без риска для клиентской вещи.

* * *

Дарена я нашла во дворе, под крышей у весов.

Возле него стоял Ивен. Оба смотрели на мешок, который грузчик только что снял с телеги. Завязка разошлась, белая мучная пыль легла на мокрую ступицу. Грузчик держал ладонь под дырой, хотя спасать там уже было нечего.

Я остановилась в проходе. Дарен повернулся на звук моих шагов, улыбнулся и сразу опять посмотрел на мешок. Улыбка осталась у меня на несколько мгновений дольше, чем у него.

— Перевесьте, — сказал он. — Сначала весь.

Ивен уже доставал чистую тару.

На крыше вода собиралась в длинной неглубокой вмятине. Одна капля падала возле левого сапога Дарена. Он передвинул трость и сделал полшага, не прерывая расчёта. Я увидела, как внимательно он выбирает опору, и удержалась от предложения немедленно сесть. Под навесом стояла лавка, её заранее очистили от верёвок. Когда грузчик ушёл за вторым мешком, Дарен сел сам.

Проверяли часть муки для второй из трёх согласованных партий. Первую приняли в столице ещё до нашего отъезда. Две следующие Дарен собирал дома. От прежнего выгодного общего представительства он отказался; обычный договор оставил ему куда больше отдельных хлопот, чем мне представлялось, пока я читала его в тёплой комнате.

Весы качнулись. Ивен дождался, когда коромысло выровняется.

Намокла нижняя часть наружного мешка. Мука внутри ещё оставалась сухой, но отправлять её на несколько суток в дорогу под такой тканью было нельзя. За смену тары и повторное взвешивание кто-то должен был заплатить. Перевозчик считал, что это дело владельца муки; Ивен показывал на мокрый настил его телеги.

Я слышала только середину спора. Сначала захотела предложить своё полотно. На складе лежало несколько пригодных кусков. Потом увидела у грузчика другую тару, чистую и крепкую. Материал здесь нашёлся. Не сходились двое, каждый из которых старался отдать расход другому.

Дарен попросил показать телегу.

Колесо стояло в луже, но настил оказался сухим. На переднем краю лежала мокрая попона; её использовали по дороге и не сняли при погрузке. Ивен осмотрел её, сверился со своей утренней отметкой. У него тоже нашёлся пропуск: защитную прокладку под нижний ряд он обещал подать после взвешивания, а грузчики начали раньше.

Мыслимо было просидеть под крышей до вечера, доказывая, кто из них первый допустил воду. Дарен предложил поделить стоимость пересыпки, а сушку попоны оставить перевозчику. Ивен помолчал, затем назвал свою долю. Грузчик сходил к вознице и вернулся с согласием.

Мешок пересыпали. Белая пыль опять поднялась над весами. Я отступила, чтобы не мешать, и Дарен наконец протянул мне свободную руку.

— Ты вернулась рано.

— Меня выгнали.

Он посмотрел на мой футляр, оставшийся под плащом.

— Вера?

— Рута. У неё рама до полудня.

— Серьёзный противник.

Он провёл большим пальцем по моим костяшкам и отпустил. От муки его рукав был белый возле локтя. Мне захотелось стереть след, но подошёл Ивен с новым весом.

До конца пересыпки я пробыла во дворе. Сначала стояла, затем села на другой край лавки. Дарен время от времени поворачивался ко мне, чтобы спросить о чём-нибудь домашнем, и каждый раз возвращался к своим мешкам. В один из таких промежутков я узнала, что он договорился получить часть оплаты за вторую партию только после приёмки. Задаток уже был учтён. Денег, которыми можно распорядиться сейчас, эта будущая оплата ему не добавляла.

Ивен хотел купить заранее ещё одну большую партию зерна. Цена казалась удачной. Дарен отказал: сперва следовало закончить две принятые поставки и увидеть, сколько стоит этот обычный путь на деле.

Когда рабочие ушли, он остался сидеть. Пальцы на рукояти трости расслабились.

— Болит? — спросила я.

— Устал.

— До дома дойдёшь?

Он посмотрел на меня с лёгким удивлением.

— Дойду. Если ты не собралась ходить по всему саду.

Я действительно собиралась. Из окна своей комнаты давно видела полоску земли у восточной стены. Там лежали обломки старых горшков, и всякий раз мне хотелось убрать их, но я не знала, чьи они и зачем оставлены.

— Только до крыльца, — сказала я.

Он поднялся не сразу. Мы ещё немного посидели под крышей, пока со двора убирали весы. Возница попросил, чтобы завтра их вынесли на полчаса раньше. Дарен ответил, что завтра принимать будет Ивен, и велел договариваться с ним.

Я взяла футляр удобнее, а его руку оставила свободной.

* * *

Горшки принадлежали Эльзе.

Она хранила в них луковицы, которым ещё было рано в землю, а в один, самый разбитый, когда-то сажала тимьян. Тимьян не пережил сырой зимы. Луковицы я чуть не высыпала вместе с прошлогодним мусором.

— Спросила бы, — сказала Эльза.

Я показала ей пустой совок.

— Я пришла спросить.

Она осмотрела меня с головы до ног, будто совок мог быть последним доказательством крупного преступления. Потом рассмеялась и вынесла из тёплой кладовой другой горшок, целый.

Из земли в нём торчали короткие зелёные концы. Я присела на ступеньку. В доме пахло сушившимся у печи бельём, а снаружи — мокрой глиной и старой листвой. Эта небольшая граница между запахами вдруг понравилась мне до нелепости. Хотелось перенести её в какой-нибудь рисунок, но, если бы я стала рисовать, у меня получилась бы только ступенька.

— Здесь что-нибудь можно посадить? — спросила я, указав на землю у стены.

Эльза нахмурилась.

— Там слив с крыши. Видишь борозду? После хорошего дождя всю твою посадку вынесет к дорожке.

Я видела лишь тёмную полосу. Из комнаты она казалась ровной аккуратной грядкой.

Мы обошли стену. Дальше, ближе к повороту, вода уходила в сторону; там помещалось узкое место под две небольшие посадки. Эльза показала, куда падает послеобеденная тень. Я попробовала прикинуть, хватит ли света резеде и двум кустикам мяты, и поняла, что могу уверенно судить лишь о цвете высушенного растения в краске.

— Закажем у тех, кто знает, — сказала я.

— Что именно?

Это был хороший вопрос. Мне нравилась мысль о растениях под окном, но я ещё не решила, хочу ли получать из них краску, запах или повод почаще выходить из комнаты.

Я пообещала ответить после обеда.

Эльза убрала луковицы, а я осталась на крыльце с целым горшком. Поставила его так, чтобы не задеть ногой, и почувствовала себя хозяйкой чего-то, к чему пока не следовало прикасаться.

Дарен спал у себя. В открытую дверь я увидела его руку на краю покрывала, оставленную рядом трость. Я прикрыла дверь и вернулась в свою комнату.

На подоконнике лежал мой домашний рисунок. Бумага чуть выгнулась от сырости. Я прижала край песенной тетрадью, потом убрала её: на тетрадь могло попасть мокрое пятно. Всё ещё приходилось помнить о таких простых вещах, хотя я уже умела отстоять перед столичными людьми право не отвечать за чужую работу.

Портрет Дарена стоял лицом к стене. Я повернула его и увидела, что в отъезде лицо стало чужим. Нижняя губа слишком ровная, взгляд чересчур торжественный. Я взяла уголь и долго не решалась тронуть бумагу. Вместо исправления провела рядом на маленьком листе его руку на рукояти трости. Кисть вышла старше, чем нужно. Я перевернула лист и повторила.

Во второй раз стало лучше.

За обедом Дарен спросил, зачем у крыльца горшок. Я рассказала про луковицы, слив и неслучившийся тимьян. Он слушал с таким вниманием, что я начала сердиться: самой хотелось немедленно знать, для чего мне нужна эта полоска земли.

— Наверное, красильные растения, — сказала я.

— Под нашим окном?

— Они красивые.

— Некоторые.

— Ты против?

— Я хотел душистый горошек.

Я уставилась на него. Дарен спокойно продолжил есть. Этого желания у него до сих пор не было в моём перечне вещей, которые следовало знать о муже.

— Откуда?

Он пожал плечом.

— У нас когда-то рос у изгороди. По вечерам пах сильнее. Я вспомнил по дороге, когда ты спала.

Рассказать мне он не успел. Или не счёл нужным: не всякая мысль, пришедшая в экипаже, требует отдельного разговора. Я представила тонкие цепляющиеся стебли и поняла, что и сама хотела бы их видеть. Только тогда красильные растения придётся поставить дальше, а для горошка нужна опора.

Мы ещё не знали, как это устроить. Я сказала Эльзе, что пока просила бы оставить луковицы на месте, и Дарен попросил сохранить для нас два невысоких горшка.

После обеда он забрал свои бумаги, а я вернулась к портрету. Соскоблила торжественную нижнюю губу и испачкала рукав. На рисунке вдруг появилось что-то от человека, который только что торговался со мной за место для горошка. Я оставила так до завтра.

* * *

На следующий день я работала дома.

Мне досталось старое покрывало для дорожной колыбели. Хозяйка сразу предупредила, что ребёнок из него вырос; вещь берегли для младшей сестры, и требовалось убрать давно угасший согревающий ход, прежде чем отдать ткань в простой перешив. Никакой живой связи в покрывале не осталось. Но потемневший шёлк ещё проводил тепло неравномерно, и в одном месте новая подкладка могла бы собирать сырость.

Когда-то такую работу я старалась закончить за одно утро. Теперь разделила длинную сторону на два приёма. После первого ладонь пришлось согреть. Я подошла к окну, увидела Дарена внизу и поманила его, сама не зная зачем.

Он остановился и поднял голову.

— Что-нибудь забыл? — крикнул.

— Нет.

Он подождал. Я стояла с рукой на оконной ручке. За спиной лежало покрывало, впереди был совершенно обычный двор, а у Дарена — свои дела.

— Просто посмотрела, — сказала я.

С улицы, наверное, это прозвучало глупо. Он снял шляпу, поклонился с невозможной торжественностью и чуть не задел ею мокрую ограду. Я рассмеялась. Он надел её и пошёл дальше.

На соседнем столике стояли два образца для Рутиного урока. Я взяла один и проверила, достаточно ли отчётливо в нём разница между сгоревшим внешним стежком и сохранившимся ходом. Ей нужно было научиться замечать её самой. Для объяснения хватало трёх коротких отрезков, не целого клиентского пояса.

К вечеру покрывало было готово к повторному осмотру. Я вписала время работы и стоимость материала. Свою оплату записала отдельно. Заказчица просила не спешить, но вещь нельзя было оставлять между чужими делами на неопределённый срок.

Письмо из столицы принесли, когда я убирала стол. На этот раз оно было адресовано мне, без титулов, которых у меня не имелось. Писала Арина Лосс. Вначале — два вопроса о пределах края, затем короткое сообщение о дворе: прежний срок обслуживания уже закончился; ещё до его истечения хозяева помещения согласовали обычное продолжение, на тех же внутренних опорах, с отдельной оплаченной сменой осмотра. Наружную створку по-прежнему не открывали целиком.

Я прочла сообщение дважды. Ничего от меня не требовали. Арина приложила отдельный лист: если я соглашусь обсуждать расширение применения края для другого круга, ей нужен мой порядок оплаты. Она не называла новый круг согласованным заранее.

Ответ я начала сразу, а потом отложила. Сначала стоило посчитать, сколько действительной работы я могу принять. На столе лежали Рутины образцы, у Веры ждали мерки Дессы, в субботу был обещан осмотр чужого стола. Всё небольшое, но каждая вещь занимала руки.

Я написала Арине о двух её материальных вопросах. В остальном попросила прислать предмет и число предполагаемых мест, без обещания срока до ознакомления. Письмо вышло короче моего первого столичного отчёта раз в пять. Я перечла его, не нашла пропуска, требующего ещё страницы, и подписала.

Вечером Дарен пришёл без бумаг. Я заметила это, только когда он сел рядом с моим столом.

— Мне нужно завтра закончить расчёт с Ивеном, — сказал он. — Утром уйду рано.

Я кивнула, продолжая искать чистый конверт.

— Лиана.

— Слышу.

— Тогда посмотри на меня.

Я подняла голову. Он сидел чуть боком, вытянув ногу, и держал на коленях маленький мешочек.

Внутри были семена. Обычный душистый горошек, купленный у садовника вместе с обещанием совета, когда подсохнет земля. Дарен не знал, какие из них взойдут. Я тоже. На бумажке было написано, что опору лучше поставить до посадки, а не тогда, когда стебли уже спутались.

— Это ты к нашему спору? — спросила я.

— Чтобы он успел стать настоящим.

Он отдал мешочек мне. Я прижала его большим пальцем к ладони, нащупала круглые твёрдые семена и подумала, что полосу у стены теперь придётся измерить. Своё незнание можно было потерпеть, пока мы не начали сажать.

— А ты уверен, что это тот самый? — спросила я.

— В мешочке не пахнет.

— Значит, узнаем, когда вырастет.

— Ты уже обещаешь мне результат?

Я посмотрела на твёрдые круглые семена и засмеялась.

— Обещаю, что не стану разбирать их, чтобы проверить устройство заранее.

Дарен откинулся на спинку. Усталость ещё держалась у него возле глаз, но рот уже выдавал улыбку.

— Тогда у нас хорошие шансы.

Мне понравилось слово «у нас». В этой маленькой покупке я успела мысленно разделить участок на его желание и свою полезную мысль. Он принёс семена, не спрашивая, что ими можно оправдать.

— А если мои растения окажутся красивее?

— Буду смотреть на твои.

— Так легко уступишь?

— Я ещё не уступал. У моего запах вечерами.

— Коварное преимущество.

Он протянул мне руку. Я вложила мешочек в неё, и он осторожно вернул на сухую часть стола.

— Лиана, ты собираешься весь вечер меня соблазнять рассуждением о посадке или всё-таки подойдёшь?

Я отодвинула конверт и подошла к Дарену. Он притянул меня за талию, но я сама выбрала, как сесть рядом, чтобы не задеть его ногу. Мне нравилось знакомое тепло под его воротом. Я поцеловала его в шею, и он перестал следить за тем, не упадёт ли со стола мой карандаш.

До ужина оставалось достаточно времени. Я закрыла дверь.

* * *

Севрина приехала через день, к концу обещанного субботнего осмотра.

Мы с Верой возвращались со швейного двора. Там пришлось отказаться от немедленного заказа: сначала хозяйка согласилась исправить прогибающуюся доску и убрать таз из прохода. За осмотр она заплатила отдельно, без обязательства купить край. Я оставила ей мерку и краткие условия, а Вера пообещала зайти, когда стол будет готов. Подписывать поставку на неисправную опору никто из нас не стал.

У двери мастерской стояла Севрина, держа поводья в руке. Её плащ по низу потемнел от брызг. Она показала на конверт, который привезла, и спросила, когда мне удобно его получить.

— Сегодня могу прочесть, — сказала я.

— Читать там немного. Отвечать труднее.

Она передала мне только два листа. Остальное оставалось у неё. Предмет был связан с вопросом, который ждал нас дома до поездки к воде: несколько действующих услуг, общее обеспечение, одна сторона за пределами прежнего согласованного круга.

Я ещё не раскрыла листы, а уже представила длинное столичное помещение, где всякая следующая дверь открывалась при помощи предыдущего согласия. Захотелось сказать, что в столицу я пока не поеду. Севрина, однако, указала на другое место.

Средний двор у Сосновой переправы. Название мне ничего не говорило.

На первом листе был записан один предстоящий вывоз. Люди, которые давно завершили собственную долю старой связи, могли предъявить это отдельно. Но часть нынешнего укрытия и перехода оставалась в общем ряду. Хозяин груза хотел обойти старую форму целиком. Держатель участка отказал.

Я провела пальцем по короткому ответу. В нём не утверждалось, что отдельное свидетельство недействительно. Отказывали в другом.

— И что от меня хотят? — спросила я.

— Сначала понять, есть ли там предмет для материального обследования. Потом, если согласишься, назвать его предел и цену.

— Я не видела носитель.

— Поэтому не прошу заключения.

Севрина показала мне письмо местного держателя, оставшееся у неё. Он был готов раскрыть наружное описание и прислать сведения о действующих сторонах, если мы объясним, что именно хотим смотреть. Частных приложений к письму не было.

Вторая сторона — береговая артель — запретила передавать свои сведения на общее рассмотрение без отдельного запроса. Её отказ тоже был приложен. Никакой тайной печати я на нём не заметила: обычные подпись, дата и ясное условие.

Я сложила листы.

— Завтра у меня работа. И в понедельник урок.

Севрина убрала поводья с мокрой ограды.

— Назови день, когда сможешь ответить по предмету. Чужого согласия у меня всё равно нет.

Я вспомнила мешочек семян у себя на столе, недоделанное лицо Дарена, маленькую подушку, которую Рута собиралась купить сама. Всё это за последние дни успело занять место, куда прежде я немедленно ставила очередную большую просьбу.

За дверью Вера распорола новую подкладку и позвала меня посмотреть на шов, который заказчица хотела сохранить. Я обернулась на её голос, потом снова к Севрине.

— Во вторник, после занятия с Норой. Обсудим то, что можно узнать отсюда. Поездку пока не обещаю.

Она записала время. Я забрала свои два листа и вошла в мастерскую. Вера уже подняла ткань к свету; под частой новой строчкой виднелись старые отверстия, по которым можно было восстановить рисунок. Я попросила её подержать ещё немного и достала чистую бумагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.